

УДК 342.727

Сущность свободы массовой информации в конституционном праве России и Германии

С. А. Привалов

Привалов Сергей Александрович, аспирант, ассистент кафедры конституционного права, Саратовская государственная юридическая академия, privalow18@gmail.com

Введение. Свобода массовой информации является одним из индикаторов уровня развития демократизма в конкретном государстве, в том числе и в Российской Федерации. В целях достижения реального демократического режима в современной России возникает необходимость создания эффективной базы реализации конституционной свободы массовой информации. Однако, несмотря на столь высокую значимость беспрепятственной циркуляции сведений в обществе, концепт свободы массовой информации на сегодняшний день развит в российской юридической науке весьма слабо, в отличие от немецкой правовой мысли. **Теоретический анализ.** Определение сущности свободы массовой информации сегодня носит комплексный характер. Рассматриваемая свобода находится на стыке конституционного права, философии, политологии и социологии. Существенной проблемой представляется определение природы свободы массовой информации как частного случая конституционной свободы. Тем не менее, установление концепции указанной свободы представляется необходимым в целях обеспечения нормального развития демократических институтов в обществе и степени возможного влияния на них государственных и частных институтов. **Эмпирический анализ.** Наиболее значимой проблемой в вопросе определения сущности свободы массовой информации в России и Германии является определение ее соотношения с иными конституционными свободами, нашедшими свое отображение в законодательстве рассматриваемых стран. Важным представляется определение соотношения конституционной свободы массовой информации со свободой печати и свободой информации в конституционном законодательстве Российской Федерации и Федеративной Республике Германии. **Результаты.** На основе российского и немецкого законодательства, а также мнений выдающихся ученых предлагается в качестве массовой информации понимать никем и ничем не обусловленную способность индивида быть субъектом массовых процессов циркуляции информации. Кроме того, обосновывается необходимость разделять понятия свободы массовой информации от близкородственных ей свободы печати и свободы информации.

Ключевые слова: свобода массовой информации, средства массовой информации, свобода печати, свобода информации.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-89-96>

Введение

Высокая степень значимости свободы массовой информации в условиях современного демократического государства обуславливается необходимостью оперативно создавать и распространять среди неограниченно большого

круга лиц обширные массивы информации, касающиеся наиболее значимых общественных вопросов. Соответствующая деятельность является необходимым условием существования демократического политического режима. «Всякий социальный институт всегда вступает в коммуникативные связи с другими институтами и нередко осуществляет массово-информационную деятельность от своего имени, но, как правило, использует те или иные массово-информационные каналы» [1, с. 75–76]. Таким образом, «воздухом» современного сложного социального мира является массовая информация, главными создателями которой выступают масс-медиа. Процесс возрастания важности массовой информации и, как следствие, СМИ детерминирован глубокой и всеобъемлющей социально-политической перестройкой общества на рубеже XIX–XX вв., которая была выражена А. И. Черных в следующем суждении: «...в XVIII–XIX вв., в период возникновения и развития первого СМИ – газеты, – мир был относительно невелик, события в отдельно взятой стране оказывали сравнительно незначительное влияние на жизнь граждан других государств <...>, то в XX в. ситуация кардинально меняется: отныне происходящее даже на дальнем расстоянии подчас становится жизненно важным. Но ограниченность личного опыта <...> не позволяет человеку знать о происходящем в “большом” мире и тем более формировать собственное мнение о происходящем» [1, с. 77].

С технической точки зрения необходимым подспорьем для рассматриваемого повышения роли массовой информации в современном обществе и государстве стал колоссальный прогресс в науке и технике. Создание радио, телевидения, Интернета, социальных медиа, а также продолжающееся развитие данных технологий позволили средствам массовой информации выйти на качественно новый уровень. Производить, распространять, передавать информацию стало гораздо проще. Процесс передачи информации ускорился в разы, даже если речь идет о передаче сведений из одной точки земного шара в точку, диаметрально ей противоположную. Кроме того, вырос и объем передаваемой информации. При этом информация, передаваемая таким образом,

оказалась достаточно легкоусвояемой, что детерминировало увеличения спроса на нее, а это, в свою очередь, еще более повысило значение как самой массовой информации, так и создающих и распространяющих ее СМИ. Так, характеризуя роль масс-медиа, А. Г. Стариков, отмечает, что они «оказывают на человека моральное и эстетическое воздействие, формируют характер его чувств, систему человеческих установок, вызывают к человеческой совести, во многом управляют общественным сознанием» [2, с. 3]. При этом возросла важность средств массовой информации и в политической сфере общественной деятельности, в рамках которой они превратились в один из важнейших, органически вплетенных в нее инструментов воздействия на народ. Соответствующий факт отмечает и А. И. Черных: «...во всех технологически развитых странах медиа стали основной ареной политики, более того, они превратились ныне в ключевой политический ресурс, <...> поскольку позволяют репрезентировать политическую реальность широким массам, т.е. электорату» [3, с. 100–101].

С другой стороны, средства массовой информации являются удобными площадками для выражения населением своего отношения к тем или иным действиям (а также бездействию) публичной власти, в том числе выражения конституционного протеста. В связи с этим, например, М. А. Липчанская и М. Е. Рубанова, в частности, касательно Российской Федерации, отмечают важность выражения конституционного протеста как способа участвовать в управлении делами государства посредством реализации в том числе свободы массовой информации [4, с. 102].

Таким образом, в целях достижения реально-го демократического режима в современной России возникает необходимость создания эффективной базы реализации конституционной свободы массовой информации. Однако, несмотря на столь высокую значимость беспрепятственной циркуляции сведений в обществе, концепт свободы массовой информации на сегодняшний день развит в российской юридической науке весьма слабо, в отличие от немецкой правовой мысли.

Теоретический анализ

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению свободы массовой информации в конституционно-правовом аспекте, необходимо определить, что представляет собой в целом категория свобода. Единства в определении указанной категории нет. Существует множество точек зрения определения свободы лишь в одной философской науке. Среди них заслуживает вни-

мания определение свободного человека, данное известным английским просветителем Томасом Гоббсом: «...мы называем свободным человеком того, кому ничто не препятствует делать то, что он желает, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать» [5, с. 204]. Из этого определения свободного человека следует, что свободой является такое состояние, при котором в отношении деятельности человека как субъекта биологических и социальных отношений отсутствуют какие-либо препятствия, за исключением его собственных характеристик.

Представляется правильным упомянуть определение свободы, данное известным голландским мыслителем Бенедиктом Спинозой в его известном труде «Этика». Так, Спиноза называет свободной такую вещь, «которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» [6, с. 253–254]. В противоположность свободе он приводил принужденность: «Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» [6, с. 254]. Таким образом, с указанной точки зрения свобода представляет собой состояние, при котором действие, явление или факт существуют без внешней детерминации, определяясь лишь собственной сущностью.

Важный подход к свободе, с которым сложно не согласиться, выдвинул Исайя Берлин, разделивший ее на позитивную и негативную. Смысл негативной свободы заключается в отсутствии принуждения со стороны. «Обычно можно сказать, что я свободен в той степени, в какой ни один человек или никакие люди не вмешиваются в то, что я делаю» [7, с. 47]. Негативный аспект свободы является тождественным отсутствию принуждения извне. При этом такое принуждение не обязательно должно быть активным. Создание одним субъектом в отношении другого условий, которые предусматривают ограниченный выбор действий либо не предусматривают возможности осуществить выбор вообще, также будет являться ущемлением негативной свободы.

Таким образом, на основе всего сказанного выше можно дать общее определение свободы как характеристики человеческого индивида. Свобода – это состояние человека, характеризующее его способность самостоятельно, независимо от внешних и внутренних детерминантов, принимать и реализовывать решения, исходя из собственных физических и интеллектуальных возможностей, с учетом естественных потребностей.

По своей природе данное понимание свободы характеризует общее состояние личности как независимого субъекта. Иными словами, это определение свободы личности в целом. В то же время сегодня в юриспруденции, помимо данного интегративного подхода к свободе как категории, которая в целом характеризует личность как независимый субъект, существует и менее широкий подход, отображающий возможность личности совершать (или воздерживаться от совершения) конкретные действия. В теории юриспруденции свободу в данном понимании часто отождествляют с субъективным правом. Однако такой подход представляется не соответствующим в полном объеме природе свободы. Путаница возникает в результате близости и тесной взаимосвязи данных правовых явлений.

Известный отечественный конституционалист Б. С. Эбзеев выступает против отождествления прав и свобод, ссылаясь на положение Конституции РФ и норм международного права, а также мировую конституционную практику [8, с. 309]. Конституционные свободы, по мнению Б. С. Эбзеева, формируют отрицательный правовой статус индивида: «...государство признает за личностью определенную сферу отношений, которая отдана на его усмотрение и не может быть объектом притязаний государства» [8, с. 311]. В отношении прав речь идет о так называемом положительном правовом статусе, который, в отличие от отрицательного статуса, характеризуется возможностью требовать от государства положительной деятельности по обеспечению признанных Конституцией прав [8, с. 311]. Кроме того, субъективное право выражает вполне определенную меру дозволенного Конституцией поведения и в самом себе содержит запрет всякого иного поведения, не охватываемого данной «мерой», в отличие от свободы, в отношении которой устанавливаются лишь общие критерии пользования, поскольку определить многочисленные формы ее реализации в принципе невозможно [8, с. 311].

Эмпирический анализ

Отсутствие единого подхода к соотношению субъективного права и свободы прослеживается в международном нормотворчестве. Так, например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина 1950 г. – базовые нормативно-правовые акты международного уровня, входящие в правовую систему как Российской Федерации, так и Федеративной Республики Германии – используют в своих текстах оба из указанных терминов, однако подходы к их со-

отношению разнятся. Конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина использует данные понятия в качестве синонимов. Об этом свидетельствуют формулировки норм, изложенных в статьях: 9 (свобода мысли, совести, религии), 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и объединений) [9]. В свою очередь, Всеобщая декларация прав человека закрепляет права на те или иные свободы – статьи с 18 по 20 [10]. Таким образом, исходя из подобного характера изложения, право является средством достижения свободы в той или иной сфере человеческого общежития.

В свою очередь, в национальном законодательстве России и Германии найти однозначный и прямой ответ на данный вопрос также не представляется возможным. Однако используемые Конституцией Российской Федерации и Основным законом Федеративной Республики Германии (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) формулировки позволяют сделать определенные выводы. Так, в Конституции РФ правам и свободам человека и гражданина посвящена вторая глава, которая так и называется «Права и свободы человека и гражданина». Уже сама по себе подобная формулировка названия главы предопределяет отдельное существование прав и свобод личности. В данной главе Конституции закреплены следующие свободы: свобода передвижения (ст. 27), свобода совести и свобода вероисповедания (ст. 28), свободы мысли, слова, информации и массовой информации (ст. 29), свобода объединений (ст. 30), свобода собраний (ст. 31), свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34), свобода труда (ст. 37), свобода творчества (ст. 44) [11]. При этом некоторые из этих свобод, уже в указанных статьях, получают более подробную регламентацию посредством определенных прав. Так, свобода информации в ч. 4 ст. 29 Конституции раскрывается через право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; или свобода собраний через право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования [11].

Подобным образом сформулированы статьи Основного закона ФРГ, отображающие свободы человека и гражданина, в немецкой Конституции им посвящена первая глава, которая именуется как «Основные права». Так, например, свобода мнений (абз. 1 ст. 5 Основного закона Германии), опосредуется через право выражать свои суждения посредством слов, как в устной, так и в письменной формах, и изображений [12].

Таким образом, в рассмотренных случаях свобода, в правовом ее понимании, и субъективное право соотносятся друг с другом по схеме цель – средство ее достижения соответственно. Однако не все субъективные права являются элементами механизма обеспечения тех или иных свобод. Например, право на неприкосновенность переписки, почтовых сообщений и иных средств связи (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, абз. 1 ст. 10 Основного закона ФРГ) не опосредует никакой свободы. Поэтому для установления более точного разграничения между свободой и субъективным правом необходимо более глубоко рассмотреть природу данных явлений.

Субъективное право является мерой возможного поведения человека. Оно предоставляет личности возможность действовать тем или иным образом (либо не действовать вообще) в целях извлечения каких-либо благ. Иными словами, любое субъективное право детерминировано существованием у любого человека необходимости для его полноценной общественной субъектности достижения определенных благ. При этом право, как видно из данного ранее определения, это мера, «единица измерения», поведения человека, в рамках которой он может осуществлять те или иные действия либо воздерживаться от их осуществления. Кроме того, следует согласиться с указанным ранее мнением Б. С. Эбзеева, поскольку в действительности границы очерченного правом поведения строго фиксируются государством в разного рода нормативно-правовых актах, в том числе и в Конституции.

В свою очередь, свобода не имеет детерминантов (в противном случае она была бы необходимостью). Свобода представляет собой характеристику человека как субъекта, соединяющего в себе биологическое и социальное начала. В отличие от права, которое является порождением природы человека и зависит целиком и полностью от него, свобода есть часть человеческой природы. В отличие от субъективного права границы конституционной свободы четко не обозначаются и проявляются во взаимодействии с другими индивидами, а точнее, с их субъективными свободами.

Соответствующее понимание свободы характерно не только для философского, но и для правового подхода. Кроме того, свобода не может быть мерой, поскольку она характеризует состояние человека.

Таким образом, свободу в узкоправовом смысле можно понимать как правовое состояние человека, которое характеризуется наличием у него объективной способности быть субъектом конкретных общественно-правовых отношений. Основываясь на данном общем определении свобо-

ды в узкоправовом смысле, можно вывести понятие непосредственно свободы массовой информации. Под свободой массовой информации понимается общественно-правовое состояние индивида, характеризующееся никем и ничем не обусловленной способностью такового быть субъектом массовых процессов циркуляции информации.

Говоря о сущности свободы массовой информации, правильным будет рассмотреть и ее соотношение с иными близкими по сущности свободами: свободой печати и свободой информации. Начнем с соотношения со свободой печати. Стоит отметить, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует категория свободы печати. В то же время ст. 29 Конституции РФ закрепляет свободу массовой информации [11]. Соответствующая правовая категория раскрывается и в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации» [13]. В свою очередь, в ФРГ большая часть нормативно-правовых актов говорит именно о свободе печати (свободе прессы) – *die Pressefreiheit*. Данная свобода закреплена, например, в саксонском законе о прессе (*Sächsisches Gesetz über die Presse*) [14]. Исторически раньше возникла категория свободы печати. Впервые о необходимости существования указанной свободы и недопустимости цензуры высказался в 1644 г. английский мыслитель Джон Мильтон в своем известном трактате «Ареопагитика». Правовое же закрепление данная свобода впервые получила во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Использование более широкой конструкции – свободы массовой информации – получило распространение после принятия ряда нормативно-правовых актов универсального уровня. Так, ст. 19 Всеобщей декларации прав человека устанавливает правило, согласно которому «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [10]. Формулировка, упрямочивающая человека на свободные поиск, получение и распространение информации и идей с использованием любых средств без учета государственных границ, подразумевает, в первую очередь, возможность использования в этих целях средств массовой информации, поскольку на тот момент только их использование давало информационному обмену экстерриториальный характер. Аналогичные нормативные положения закреплены также в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и в ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

В вопросе содержательного соотношения данных свобод логическим представляется следующая взаимосвязь: исторически первое частное – более позднее общее, где частным является свобода печати, а общим – свобода массовой информации. Более раннее возникновение свободы печати связано с тем, что долгое время основным способом распространения информации среди широких масс была именно пресса, т. е. средства массовой информации печатного характера. Вследствие этого долгое время идеи о свободе печати по своей сути представляли собой не что иное, как идеи о необходимости свободного распространения массовой информации. В XX в. развитие науки и технологии привело к появлению новых видов масс-медиа: радио и телевидения, позже – сети Интернет. Именно этот факт и детерминировал возникновение новой правовой конструкции – свобода массовой информации, включающей в свой состав не только никем не ограниченную возможность печатать ту либо иную информацию, но и производить и распространять ее посредством иных СМИ. Таким образом, свобода печати представляет собой составной элемент свободы массовой информации.

Аналогичной точки зрения придерживается С. Н. Шевердяев. Комментируя обозначенную ранее норму Всеобщей декларации прав человека о свободе информации, он отмечает, что в ней «...речь главным образом шла об обосновании возможности граждан на ознакомление с материалами иностранных газет, теле- и радиопередачами, иными словами, эта проблема касалась доступа к иностранным СМИ <...> однако ничего принципиально нового по сравнению с традиционным обоснованием свободы слова и свободы печати в этой модернизированной концепции субъективных правомочий в области информации нет» [15, с. 93]. Таким образом, по мнению С. Н. Шевердяева, свобода массовой информации по своей сути тождественна свободе печати и отличается от нее лишь большим спектром охватываемых в правовом регулировании средств массовой информации. Именно по этой причине нормы национального законодательства ряда стран, касающиеся свободы печати, не претерпели изменения [15, с. 93].

В то же время в Германии нет единого подхода к соотношению свободы массовой информации и свободы печати. В немецкой доктрине существует несколько подходов к их соотношению. Первый опирается на отсутствие в принципе такой категории, как свобода массовой информации, и утверждает о параллельном существовании нескольких близких, тесно свя-

занных, но независимых свобод: свободы печати, свободы вещания и свободы кино [16, с. 11–12]. Основанием для данного подхода является отдельное закрепление указанных свобод в предложении 2 абз. 1 ст. 5 Основного закона [12]. В таком понимании разница между указанными свободами заключается исключительно в способах, с помощью которых происходит распространение сведений: свобода печати гарантирует циркуляцию информации посредством печатных носителей, свобода вещания – распространение с помощью радио- и телесигнала информации аудио- и аудиовизуального содержания, и свобода кино – производство аудиовизуальной информации, распространяемой посредством специальных физических носителей. При этом сущность указанных свобод, а также главного объекта их регулирования – информации – остается неизменной. Вследствие этого в немецкой правовой теории сложился и другой подход, согласно которому все свободы, устанавливающие беспрепятственное обращение информации, зафиксированной на разного рода носителях, в своей совокупности представляют единую правовую конституционную категорию, по сути – свободу массовой информации [16, с. 18]. Более того, перечисление в абз. 1 ст. 5 Основного закона Германии средств, которые могут использоваться для распространения информации среди больших масс людей (пресса, радио и фильмов), не является исчерпывающим [17, с. 98]. Из этого напрашивается вывод о том, что свобода печати и свобода вещания в принципе не могут охватить все способы распространения массовой информации. Следовательно, должна существовать иная, более обширная категория, обеспечивающая беспрепятственную циркуляцию всех видов массовой информации.

Тем не менее, формальное деление свободы массовой информации на свободу печати и свободу вещания в абз. 1 ст. 5 Основного закона ФРГ породило двойную систему правового регулирования указанных свобод: свобода печати регулируется специальным законодательством федеральных земель, а свобода вещания – Государственным договором о радио- и телевещании в объединенной Германии (Staatsvertrag für Rundfunk und Telemedien im vereinten Deutschland). В то же время стоит отметить, что основным предметом данного договора является организация радио- и телевещания, нежели регулирование свободы массовой информации. Это связано с тем, что основы беспрепятственного обращения массовой информации в целом, в силу исторических особенностей, урегулированы в рамках свободы печати. Именно поэтому важность

и ценность свободы массовой информации в Германии, например в постановлениях Федерального Конституционного Суда (Bundesverfassungsgericht), раскрывается через свободу печати [18]. На этом основан третий подход немецкой конституционной доктрины – формальное отождествление свободы печати со свободой массовой информации.

Представляется также необходимым развести между собой такие явления, как свобода массовой информации и свобода информации. При этом стоит отметить, что в России и Германии имеют место быть несколько разные подходы к пониманию свободы информации. Так, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ закрепляет за каждым право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [11]. Из него проистекает предусмотренное ч. 2 ст. 24 право на получение информации от государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц, касающейся прав и свобод человека и гражданина [11]. Это значит, что в России свобода информации состоит, с одной стороны, из возможности каждого человека производить, распространять и получать информацию, а с другой – из обязанности органов государственной и муниципальной власти, а также их должностных лиц предоставлять гражданам касающуюся их информацию.

В свою очередь, Основной закон ФРГ в предложении 1 абз. 1 ст. 5 закрепляет право на свободное выражение своего мнения посредством слов, как в устной так и в письменной форме, а также посредством изображений, и беспрепятственно черпать знания из общедоступных источников [12]. Именно вторая часть указанной формулы – беспрепятственно черпать знания из общедоступных источников – и представляет собой свободу информации. В то же время Закон о регулировании доступа к информации Союза (Gesetz zur Regelung des Zugangs zu Informationen des Bundes, краткое название – Закон о свободе информации (Informationsfreiheitsgesetz)), а также земельные законы, регулирующие деятельность прессы, дефиницию свободы информации раскрывают исключительно как возможность получения информации из публичных источников с сопровождаемой данным источником диаметрально противоположной обязанностью.

Результаты

На основе проведенного исследования можно сделать определенные выводы о сущности свободы массовой информации в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии.

Во-первых, под свободой массовой информации понимается общественно-правовое состояние индивида, характеризующееся никем и ничем не обусловленной способностью такового быть субъектом массовых процессов циркуляции информации. Определение свободы массовой информации в качестве субъективного конституционного права представляется некорректным, поскольку концептуально конституционная свобода не совпадает с субъективным правом, и, следовательно, подобное отождествление искажает саму природу рассматриваемой конституционной свободы.

Во-вторых, как в России, так и в Германии свобода массовой информации имеет несколько родственных конституционных свобод – свободу печати и свободу информации. Касательно первой необходимо отметить, что в Германии, в отличие от России, сложилось несколько подходов к ее соотношению со свободой массовой информации. Однако наиболее правильным представляется подход в немецкой конституционной доктрине, сопряженный по смыслу с отечественным – исторически первая свобода печати была поглощена возникшей позже свободой массовой информации и отличается от нее лишь способами распространения информации.

В то же время свобода массовой информации резко отличается от свободы информации, как в отечественной, так и в немецкой концепции последней.

Список литературы

1. Черных А. И. Социология массовых коммуникаций : учеб. пособие. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 452 с.
2. Стариков А. Г. Масс-медиа современной России. Ростов н/Д : Феникс, 2013. 250 с.
3. Черных А. И. Медиа и демократия. М. ; СПб. : Университетская книга, 2011. 272 с.
4. Липчанская М. А., Рубанова М. Е. Специфика реализации свободы слова в качестве формы конституционного конструктивного протеста // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2017. № 6 (119). С. 101–109.
5. Гоббс Т. Левиафан. М. : РИПОЛ классик, 2017. 608 с.
6. Спиноза Б. Соч. : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., стер. СПб. : Наука, 2006. 489 с.
7. Берлин И. Философия свободы. Европа / предисл. А. Эткинды. М. : Нов. лит. обозрение, 2001. 448 с.
8. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. М. : Проспект, 2019. 768 с.
9. Конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина : принята в Риме 04.11.1950 года : ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом № 54-ФЗ от 30.03.1998 г. : в ред. Протокола № 11 от 11.05.1994 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

10. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Рос. газ. 1995. № 67.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
12. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland : vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347). URL: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01-245122 (дата обращения: 17.09.2019).
13. О средствах массовой информации : закон от 27.12.1991 № 2124-1(ред. от 06.06.2019) // Рос. газ. 1992. № 32 ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (ч. I), ст. 8460.
14. Sächsisches Gesetz über die Presse vom 3. April 1992 (SächsGVBl. S. 125), das zuletzt durch Artikel 13 des Gesetzes vom 11. Mai 2019 (SächsGVBl. S. 358) geändert worden ist. URL: <https://www.revosax.sachsen.de/vorschrift/4197-SaechsPresseG> (дата обращения: 17.09.2019).
15. Шевурдяев С. Н. Право на информацию : к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. 2001. № 10. С. 91–100.
16. Dreizehnter Zwischenbericht der Enquete-Kommission „Internet und digitale Gesellschaft“ : Deutscher Bundestag, 2013. 164 S. URL: <https://dipbt.bundestag.de/dip21.web/bt> (дата обращения: 20.09.2019).
17. Koreng A. Zensur im Internet. Der verfassungsrechtliche Schutz der digitalen Massenkommunikation. Baden-Baden, 2010. 226 S.
18. Bundesverfassungsgericht – Verkündet am 5. August 1966 – Im Namen des Volkes // Spiegel ONLINE. 2019. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46414150.html> (дата обращения: 22.09.2019).

Образец для цитирования:

Привалов С. А. Сущность свободы массовой информации в конституционном праве России и Германии // Изв. Саратовского государственного университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 89–96. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-89-96>

Essence of Freedom of Mass Information in the Constitutional Law of Russia and Germany

S. A. Privalov

Sergej A. Privalov, <https://orcid.org/0000-0002-6894-7722>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, privalow18@gmail.com

Introduction. Freedom of the media is one of the indicators of the level of development of democracy in a particular state, including the Russian Federation. In order to achieve a real democratic regime in modern Russia, the need for creation of an effective framework for the implementation of constitutional freedom of the media arises. However, despite the high importance of the unhindered circulation of information in society, the concept of media freedom is currently poorly developed in Russian legal science, in contrast to German legal thought. **Theoretical analysis.** The definition of the essence of freedom of the media today is comprehensive. Freedom in question is at the crossroads of constitutional law, philosophy, political science and sociology. A significant problem is the definition of the nature of freedom of the media as a special case of constitutional freedom. Nevertheless, the establishment of the concept of this freedom seems necessary in order to ensure the normal development of democratic institutions in society and the degree of possible influence of public and private institutions on them. **Empirical analysis.** The most significant problems in determining the essence of freedom of the media in Russia and Germany are the determination of its relationship with other constitutional freedoms, which are stipulated in the legislation of the countries in question. The most important thing is to determine the relationship between constitutional freedom of the media with free-

dom of the press and freedom of information in the constitutional legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. **Results.** On the basis of Russian and German legislation, as well as the views of prominent scientists, it is proposed that the mass media should be understood as individual's ability, unconditioned by anyone and anything, to be a subject of mass processes of information circulation. In addition, it substantiates the need to separate the concepts of freedom of the media from its closely related freedom of the press and freedom of information. **Keywords:** freedom of the media, the media, freedom of the press, freedom of information.

References

1. Chernykh A. I. *Sotsiologiya massovykh kommunikatsiy* [Sociology of Mass Communications]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2008. 452 p. (in Russian).
2. Starikov A. G. *Mass-media sovremennoi Rossii* [Mass media of modern Russia]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2013. 250 p. (in Russian).
3. Chernykh A. I. *Media i demokratiya* [Media and democracy]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2011. 272 p. (in Russian).
4. Lipchanskaya M. A., Rubanova M. E. The specifics of the implementation of freedom of speech as a form of constitutional constructive protest. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2017, no. 6 (119), pp. 101–109 (in Russian).

5. Hobbes T. *Leviathan* [Leviathan]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2017. 608 p. (in Russian).
6. Spinoza B. *Sochineniya* [Works: in 2 vols. Vol. 1. 2nd ed.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 489 p. (in Russian).
7. Berlin I. *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of freedom. Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 448 p. (in Russian).
8. Ebzeev B. S. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 768 p. (in Russian).
9. Convention for the Protection of the Rights and Fundamental Freedoms of Man and Citizen. Adopted in Rome on 04/04/1950: Ratified by the Russian Federation by Federal Law no. 54-FZ of 03.30.1998: as amended by Protocol N 11 of 11.05.1994. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 2, art. 163 (in Russian).
10. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1995, no. 67 (in Russian).
11. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
12. Basic Law for the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 (BGBl. P. 1), last amended by Article 1 of the Law of 13 July 2017 (BGBl. I p. 2347). Available at: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01-245122 (accessed 17 September 2019) (in German).
13. On the media. Law of 27.12.1991 no. 2124-1 (an edition of 06.06.2019). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1992, no. 32; *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2018, no. 53 (pt. I), art. 8460 (in Russian).
14. Saxon Law on the Press of 3 April 1992 (SächsGVBl. P. 125), which was last amended by Article 13 of the Act of 11 May 2019 (SächsGVBl., P. 358). Available at: <https://www.revosax.sachsen.de/vorschrift/4197-SaechsPresseG> (accessed 17 September 2019) (in German).
15. Sheverdyayev S. N. The right to information: on the issue of constitutional legal essence. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2001, no. 10. pp. 91–100 (in Russian).
16. Thirteenth interim report of the Enquete Commission “Internet and digital society”: German Bundestag, 2013. 164 p. Available at: <https://dipbt.bundestag.de/dip21.web/bt> (accessed 20 September 2019) (in German).
17. Koreng A. *Censorship on the Internet. The constitutional protection of digital mass communication*. Baden-Baden, 2010. 226 p. (in German).
18. Federal Constitutional Court – Delivered on 5 August 1966 – In the name of the people. *Spiegel ONLINE*. 2019. Available at: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46414150.html> (accessed 22 September 2019) (in German).

Cite this article as:

Privalov S. A. Essence of Freedom of Mass Information in the Constitutional Law of Russia and Germany. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 89–96 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-89-96>
